

УДК 24-17

АБАЕВА Любовь Лубсановна – доктор исторических наук, профессор; главный научный сотрудник отдела философии, культурологии и религиоведения Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; luba-abaeva@mail.ru)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЫ И МЕНТАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ В РЕЗУЛЬТАТЕ АДАПТАЦИИ БУДДИЙСКИХ ИДЕЙ И ПРАКТИК

Аннотация. В статье рассматриваются основные трансформации религиозных символов монголосферы, а также ментальности и конфессиональной идентичности монгольских народов в результате многовекового периода адаптации буддийских идей и практик в разные по протяженности хронологические периоды. Адаптация монгольскими народами популярного вероучения буддизма как мировой религии во многом изменила не только их религиозную картину мира, но и конфессиональную, этнокультурную идентичность и компетентность. Казалось бы, в контексте общей универсальной структуры восприятия буддийской культуры в русле ее адаптации (главным образом восприятия) монгольской метаэтнической общностью должна была сформироваться единая этноконфессиональная идентичность и этнокультурная компетентность. Однако данные наших исследований все же выявляют региональные и локальные дифференциации.

Ключевые слова: буддизм, буддийские идеи и практики, монголосфера, трансформация, религиозная культура, ментальность, этничность, компетентность, локальные и региональные инварианты

Мировые конфессии в разные исторические периоды играли значительную роль в этнокультурных традициях этносов, выполняя особую функцию своеобразного этнического идентификатора, в то же время фиксируя и инкорпорируя некоторые локальные и территориальные особенности традиционной религиозной культуры этносов. Буддизм по мере своего распространения среди монгольской метаэтнической общности сумел сформировать особенные и уникальные признаки конфессионального стереотипа поведения своих адептов, который в современный период выступает одним из доминирующих, если не основным, этническим и культурным идентификатором. Этническое самосознание, сакральные формы традиционного религиозного опыта, традиционная картина мира, сложившаяся по мере освоения жизненного пространства, мифологическое и религиозное мировоззрение добуддийского периода органично вошли в буддийские теории и практики монгольских народов. Их трансляция произошла, по нашему мнению, не только из Тибета (XIII–XVI вв.), но и под непосредственным влиянием религиозной культуры уйгурской метаэтнической общности, которая уже в VIII в. восприняла весь комплекс буддийских философских и практических знаний и адаптировала к религиозным символам своих этнокультурных традиций [Абаева 2018: 183–231]. Кроме того, аналитические характеристики процессов трансформации религиозной культуры подчеркивают, что существующий в наши дни образ жизни и мировоззрение кочевников Центральной Азии исторически сложились под влиянием буддизма. И уже в течение многих предшествующих столетий этноконфессиональную картину

монголосферы мы не может представить вне буддийской религиозной традиции [Абаева 2011].

Общие фундаментальные понятия, категории и символы классической формы буддизма, распространившиеся среди монгольских народов в разные хронологические периоды, нашли отражение в существующих на сегодняшний день религиозных реалиях монгольской этносферы. Как известно, будучи основными формами и главными организующими структурами в религиозной культуре, категории должны воспроизводить конкретные свойства и отношения универсального бытия и универсального познания в наиболее концентрированной форме. Являясь особой структурной частью буддийской религиозной культуры, буддийские символы представляют собой давно сложившиеся константы и служат трансляторами буддийских традиций. При этом каждая монгольская религиозная и локальная традиция (территория или локус) в синхронном и диахронном срезах адаптировала их в соответствии со своими более ранними религиозными символами, в целом не нарушая ни синтактику, ни семантику, ни прагматику семиотической системы буддизма.

Традиционное мировоззрение монгольской этносферы – это сложившаяся в их кочевом пространстве система взглядов как специфическая и уникальная в своем роде реакция на окружающую среду, их место в нем, где также фиксируется их отношение к миру вокруг, а также обусловленные этими взглядами основные жизненные позиции, убеждения, идеалы и ценностные ориентиры. Традиционное мировоззрение, прошедшее апробацию в процессе собственно этнических, а также в результате этносоциальных процессов в пространстве и времени ареала монгольских народов, не только включало в свою систему профанное (бытийное, повседневное) содержание, но и носило прежде всего сакральные (религиозные) культурные тексты с контурами философского осмысления мира вокруг. В структуру традиционного мировоззрения монгольских народов входили и такие категории, как общее и абстрактное понимание мира в ареале своего пространства и времени (хронотоп), а также собственные мироощущение, мировосприятие, мирозерцание и миропонимание.

Современная психологическая и эмпатическая нормативность монгольских сообществ и их вариативность представляет собой особый срез реального общественно-исторического процесса формирования кросс-культурного разнообразия жизненного опыта в разных социальных группах, устойчивой системы ценностей, норм, идеалов гармонического, достойного человеческого бытия.

Известно, что до кириллической современной письменности, на которой базируются современные монгольский, бурятский и калмыцкий языки, вся монгольская метаэтническая общность пользовалась вертикальным письмом. Переход на горизонтальное письмо вызвал у них своего рода культурный шок и изменил ментальные параметры монгольских народов. Кроме того, буддийские тексты исторически представлены в основном на вертикальной письменности монгольских этносов, основанной на уйгурском вертикальном письме. Однако традиционные религиозные символы в культуре монгольских народов в процессе своей эволюции совсем не исчезают из контекста этнорелигиозной картины конкретных локусов, фактически оставаясь в приоритетах их этнокультурных обычаев, обрядов и ритуалов. При этом адаптация религиозных теорий и практик такой мировой религии, как буддизм, кроме ярко выраженного интеграционного характера, носила в какой-то степени и глобализационный характер. Со временем существующие на момент адаптации религиозные традиции менялись в локусе их распространения, инкорпорируя и адаптируя многие элементы традиционных локальных религиозных культур, трансформируя также и ментальность. В процессе адаптации буддийских текстов возни-

кают новые формы ментальности, трансформируются представления о мире, меняется мировоззрение и образ жизни, хотя включенность буддийских идей и ценностей в современную жизнь монгольского социума, а также конкретного индивида вряд ли существенно повлияла на кочевой уклад и повседневную обрядность. Пространство повседневного бытия в монголосфере (их локусы) всегда было сакрально детерминировано и регламентировано.

Культурно-историческое наследие буддизма среди монгольской метаэтнической общности благодаря его специфике трактовки человека и его места в мире в настоящее время пользуется устойчивой репутацией самой универсальной и гуманной религии в истории человечества, т.к. провозглашает принципы моральной ответственности человека за свои деяния и сострадательное отношение к любому живому существу. Распространение буддийской доктрины и практическое ее применение не замыкались в узких рамках буддийского духовенства и образованных мирских последователей [Бабу лама 2011: 153]. Принципы буддизма, проникнув в общественное сознание, в значительной степени определили деятельность всех слоев монгольского сообщества. Кроме того, в дореволюционный исторический период буддийская идеология пронизывала все стороны политической и культурной жизни общества, бытовой и повседневный уклад народов, являясь цементирующим элементом, универсальным языком, придающим культуре этого региона некую целостность. При этом распространение буддизма характеризуется монастырскими и народными уровнями.

Основные категории буддийской теории, изложенные в учении о четырех благородных истинах – восьмеричном (срединном) пути спасения, включающие в себя правильные взгляды, правильные размышления и способность следовать им, правильную речь, правильное поведение, правильный способ поддержания жизни, правильные усилия (т.е. их приложение), правильную мысль (ее направленность), правильное сосредоточение, в какой-то степени соответствовали нормативным законам степных уложений кочевой культуры монгольских народов. Другое дело, что культурный и религиозный смысл восьмеричного пути спасения как текст религиозной культуры на ранних этапах распространения буддизма среди монгольских народов вряд ли адекватно воспринимался новыми адептами, т.к. объектно-субъектные составляющие этой теории были инновационными для традиционного мировосприятия и мировоззрения кочевника.

Амбивалентная культурная и конфессиональная идентичность наблюдается практически у всех представителей элиты монгольской метаэтнической общности не только в результате кросс-культурных взаимовлияний, но и в силу высокой степени их адаптационных этнокультурных возможностей, выработанных еще в период Монгольской империи. Как известно, амбивалентная идентичность в векторе развития этнокультурных характеристик является следствием продолжительных контактов с инокультурной средой. Элита монгольских этносов Китая одинаково хорошо адаптировала современные китайские этнокультурные реалии, в т.ч. и язык. Бикультуральными, а следовательно и билингвальными, вовлеченными в канву российских этнических, социальных и политических реалий являются также элиты калмыков, бурят и тувинцев в России. Примечательно здесь также и то, что, в отличие от монгольских этносов Китая, где на китайском языке фактически свободно говорит только элита, представители бурятского, калмыцкого и тувинского этносов свободно говорят на русском языке, в какой-то степени демонстрируя этнокультурную индифферентность к родному языку. Их культурная индифферентность свидетельствует о практически завершившемся процессе аккультурации этих этносов в

поликультурном пространстве России. Длительный процесс взаимодействия с русской культурой и представителями семейских и казачьих этнокультурных реалий, пришедших в Восточную и Южную Сибирь вместе с их носителями, несомненно, обогатили этнокультурную палитру компетентности бурятского этноса, хотя в какой-то мере спровоцировали трансформацию их профессиональной компетентности и этнокультурной идентичности. Возможно, вследствие этого буддийские сообщества современной Бурятии представляют собой «неоднородные социальные образования, в которых происходят весьма динамичные процессы структурирования и формирования новых групп» [Бадмацыренов 2019: 15].

В течение последних 20 лет в современном обществе Монголии фиксируются неоднозначные процессы трансформации буддийских идей и практик. Общая тенденция этого феномена заключается в том, что здесь преобладает вектор направленности религиозных феноменов от индифферентности – к идентификации, от атеистического неверия – к религиозной вере. Как утверждает монгольский профессор С. Цыдендамба, «прежде всего возникает вопрос, как будет развиваться этот процесс; увеличится или уменьшится степень религиозности; в чем разница между религией прошлого и настоящего века; почему люди и общество не смогли остаться без религии; почему люди ищут и даже создают новые религиозные идеи и организации; почему это направление стало всеобщим увлечением; является ли религиозность естественной природой человека, человеческой души и сознания; является ли вышеуказанный процесс возрождением родового чувства и идентичности; является ли религия и ее каноны созидательной силой или управленческой силой человеческого духа или выражением силы тяги к себе или это воздействие реальных причин и факторов природы на развитие общества» [Цыдендамба 2019: 67].

Человек как субъект конкретного общества в его глобальном, а также этно- и социокультурном измерении представлен в собственных этнокультурных символах уникальным феноменом социальной истории человечества со всеми вытекающими характеристиками ценностей, обусловленных прежде всего конкретными историческими религиозными традициями. Религиозные символы в культурах народов на протяжении многих столетий в своем большинстве преодолели процесс секуляризации общества. Уже в XVI–XVII вв. христианские каноны заменяются гражданским правом, религиозные христианские границы переходят в сферу нравственной регуляции человека и общества и в основном касаются проблем внутренней жизни индивида. В условиях интеграционных и трансформационных процессов многих регионов Центральной Азии, Внутренней Азии в целом и в Российской Федерации в частности проблема идентификации личности и ее специфической ментальности как внутри конкретного этнического сообщества, так и в сфере глобальных процессов вернулась в политику, экономику, право, образование, причем в новых, зачастую крайне интересных и иногда даже парадоксальных формах. Вследствие этого актуальным является анализ проблемы – в какой зависимости в процессе различных трансформаций, интеграций и сепаративных процессов необходимо рассматривать человеческую природу и динамику культуры в контексте доминирующих в религиозной культуре и категориальных ценностей.

Работа выполнена в рамках государственного задания ИМБТ СО РАН по проекту XII.191.1.3. «Комплексное исследование религиозно-философских, историко-культурных, социально-политических аспектов буддизма в традиционных и современных контекстах России и стран Центральной и Восточной Азии», номер госрегистрации № АААА-А17-117021310263-7.

Список литературы

Абаева Л.Л. 2011. Идентичность в локусе бытия монгольских народов. — *Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: к 70-летию академика В.А. Тишкова*. М.: Наука. С. 425-438.

Абаева Л.Л. 2018. *Религиозная культура монгольских народов в векторе буддийских традиций*. Улан-Удэ: Бурят-Монгол ном. 367 с.

Бабу лама (В.А. Чимитдоржиев). 2011. Основы религиозных культур и светской этики в образовательном пространстве России. — *Мир буддийской культуры: материалы всероссийской научно-практической конференции «Потенциал буддийской культуры России в решении социальных проблем»*. Агинское, Чита. С. 151-159.

Бадмацыренов Т.Б. 2019. Буддийские сообщества Бурятии: священнослужители-профессионалы и буддисты-миряне. — *Миряне и ламы: буддийские идеи и практики в трансформирующихся обществах России и Монголии*. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. С. 15-41.

Цыдендамба С. 2019. Состояние буддизма в современной Монголии и государственная политика в отношении религии. — *Миряне и ламы: буддийские идеи и практики в трансформирующихся обществах России и Монголии*. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. С. 64-79.

ABAIEVA Liubov' Lubsanovna, Dr.Sci. (Hist.), Professor, Principal Researcher of the Department of Philosophy, Cultural Anthropology and Religious Studies, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (6 Sakh'yanovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; luba-abaeva@mail.ru)

TRANSFORMATION OF THE TRADITIONAL RELIGIOUS CULTURE AND PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE MONGOLIAN PEOPLE BECAUSE OF ADAPTATION THE BUDDHIST IDEAS AND PRACTICES

Abstract. *The article discusses the main transformations of religious symbols of the Mongolosphere, as well as the mentality and confessional identity of the Mongolian peoples as a result of a centuries-old period of adaptation of Buddhist ideas and practices in chronological periods of different lengths. The adaptation of the popular dogma of Buddhism as a world religion by the Mongolian peoples has largely changed not only their religious picture of the world, but also their confessional, ethnocultural identity and competence. It would seem that in the context of the general universal structure of the perception of Buddhist culture in line with its adaptation by the Mongolian meta-ethnic community, a single ethno-confessional identity and ethnocultural competence should have formed. However, the data of our studies still reveal regional and local differentiations.*

Keywords: *Buddhism, Buddhist ideas and practices, Mongolosphere, transformation, religious culture, mentality, ethnicity, competence, local and regional invariants*
